

УДК 821.161.1.09Пушкін

ОБРАЗ ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА В ОДНОИМЕННОМ РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА. ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Жаркевич Н. М.

У статті розглядаються проблеми сучасної інтерпретації образу головного героя пушкінського роману. Аналізуються та оцінюються концепції, пов'язані з психоаналізом, православним та академічним літературознавством. Висловлюються полемічні зауваження.

Ключові слова: герой, середовище, драма, культурно-історична непотрібність, світосприйняття, матеріалістична філософія, християнські цінності, психоаналіз, сексуальні потреби.

В статье затрагиваются проблемы современной интерпретации образа главного героя пушкинского романа. Анализируются и оцениваются концепции, связанные с психоанализом, православным, а также академическим литературоведением. Делаются полемические замечания.

Ключевые слова: герой, среда, драма, культурно-историческая ненужность, миропонимание, материалистическая философия, христианские ценности, психоанализ, сексуальные потребности.

The article touches on the problem of modern interpretation of the main character of Pushkin's 'Eugene Onegin'. The analysis concerns psychoanalysis, Orthodox Church and academic literary studies. Polemic remarks are made.

Key words: main character, environment, cultural-historical unwantedness, world outlook, materialistic philosophy, Christian values, psychoanalysis, sexual needs.

История изучения пушкинского романа "Евгений Онегин" стремительно приближается к своему 200-летию. Количество исследований, ему посвященных, давно уже исчисляется тысячами. Этапными вехами среди них стали работы А.Н.Пыпина, Д.Н.Овсянко-Куликовского, Б.В.Томашевского, С.М.Бонди, Д.Д.Благого, Г.А.Гуковского, Б.С.Мейлаха, Г.П.Макогоненко, Ю.М.Лотмана, др. Беспрецедентным событием отечественной пушкинистики явился выход "Онегинской энциклопедии" (М., 1999–2004) под общей редакцией Н.М.Михайловой.

Тем не менее исследовательский интерес к пушкинскому роману не уменьшается и сегодня, убедительно подтверждая известные слова В.Г.Белинского о том, что творчество автора "Евгения Онегина" "принадлежит к вечно живым и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение, и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за нею эпохе сказать что-нибудь новое и более верное, и ни одна не выскажет всего" (1,

т. IV, с. 307]. В этом контексте рубеж XX–XXI века стал новым важным этапом в осмыслении пушкинского романа. Его отличительными особенностями можно считать полный отказ от идеологических приоритетов, появление новых методов и методик анализа, привлечение данных смежных наук – философии, психологии, культурологии, социолингвистики и пр. Правда, на этом пути, с нашей точки зрения, есть свои успехи и свои поражения.

Проблемный диапазон современных исследований, посвященных роману А.С.Пушкина "Евгений Онегин", поистине безграничен. Поэтому мы сосредоточим наше внимание лишь на одной, для пушкиноведения отнюдь не новой, но в современных условиях получившей довольно оригинальное осмысление, проблеме, а именно: проблеме интерпретации образа главного героя пушкинского романа.

Общеизвестно, что в пушкиноведении XIX–XX вв. о Евгении Онегине сложилось устойчивое представление как о "лишнем человеке". При этом главным виновником его драмы провозглашалась

среда, т.е. светское общество, в котором вращался пушкинский герой, – лицемерная и безнравственная. Эта традиция, напомним, была заложена В.Г.Белинским, который писал: “Зло не в человеке, – но в обществе. ... Мы думаем, что в самой действительности бывают... существования без цели, существа неопределенные... И эти существа... обещают много, исполняют мало или ничего не исполняют. Это зависит не от них самих; тут есть *fatum*, заключающийся в действительности, которою они окружены, как воздухом, и из которой не в силах и не во власти человека освободиться” [1, т. VI, с. 393, 396]. Его определения “страдающий эгоист”, “эгоист по неволе” [1, с. VI, с. 386, 387] станут доминирующими в характеристике Евгения Онегина.

Современные исследователи активно пытаются преодолеть сложившуюся традицию. В этом контексте одной из наиболее интересных и созвучных нынешней эпохе работ, на наш взгляд, является работа В.А.Кошелева, опубликованная в конце 90-х – начале 2000-х гг. в журнале “Литература в школе” под названием “Онегина воздушная громада...”. В ней среди довольно широкого круга проблем автор затрагивает и названную. Но, в отличие от многих предшественников, исследователь увидел свою основную задачу в том, чтобы выявить национальные истоки характера пушкинского героя, главной и определяющей чертой которого стало разочарование, поскольку и в сознании читателей-современников творца романа, и в сознании не одного поколения пушкинистов Евгений Онегин ассоциировался с разочарованными героями Байрона и прежде всего Чайльд Гарольдом. Между тем, по справедливому замечанию исследователя, Пушкин, открыто сближая своего и байроновского героев, упомянул о русской хандре Онегина.

В основу своей концепции В.А.Кошелев положил наблюдения В.О.Ключевского, который в статье “Евгений Онегин и его предки” (1887) проанализировал судьбы четырех поколений русского дворянства. Ссылаясь на известного историка, автор пишет: “Жизнь Онегина-прадеда пришла на время петровских реформ и сближения с Западом. Он учился в монастырской школе и послушно учил польско-латинские вокабулы, которые, сформировав его характер, никак, однако, ему негодились на службе и в регулярной петровской армии... Онегин-дед, в отличие от предка, прошел уже “навигацкую” выучку в Голландии – но жить ему пришлось уже в другую эпоху. А в период “биرونщины” эта голландская выучка оказалась не только не нужна, но даже и вредна...”

“Отцы Онегиных начинали свое воспитание при императрице Елизавете, кончали его при Екатерине II и доживали свой век при Александре I”. В их воспитании “вольтерьянство” причудливо смешалось с “тонким вкусом” и “нежной чувствительностью” – “усвоенные им манеры, привычки, симпатии, понятия, самый язык – все было чужое, привозное, все влекло его в заграничную даль, а дома у него не было никакой органической связи с окружающим, не было никакого житейского дела, которое бы он считал серьезным”... Эта культурная “межеумочность” еще не осознавалась трагичес-

кой и безысходной: “Заурядный екатерининский вольнодумец оставался добр и весел, не скучал и не тосковал. Тосковать будет его сын при Александре I...” [2, с. 14–15].

Иными словами, драма Онегина, сделавшая его “лишним человеком”, по мысли В.А.Кошелева, была связана не только и не столько с безнравственностью окружавшей его светской среды. Драма – в его полной культурно-исторической (выделено нами. – Н.Ж.) не востребованности. “Поколение Онегиных, – пронизательно отмечает исследователь, – пришло к полной нравственной растерянности, выражавшейся в одном правиле: ничего сделать нельзя и не нужно делать. И соответственно “хандра” стала неким знаком, некой эмблемой этого поколения... Та потенциальная возможность деятельности, которую пушкинский герой несет в себе... , наталкивается на наложенную на нее несколькими поколениями и генетически отложившуюся роль “культурной ненужности”. Эта историческая роль и образует описанную Пушкиным неизлечимую болезнь, преследующую Онегина...” [2, с. 15].

На наш взгляд, интересно и еще одно замечание В.А.Кошелева. Состояние скуки, “хандры” переживали многие современники А.С.Пушкина, в том числе и сам поэт, который как одно из действующих лиц входит в число друзей Онегина. Но, в отличие от своего героя, Автор романа – поэт. И на страницах “Евгения Онегина”, и в других произведениях Пушкина можно не раз встретить признание, что спасением для него от такого состояния всегда становилась поэзия (“Прошла любовь, явилась муза, // И прояснился темный ум...”). “Онегину не дано такого “утишения”, – пишет В.А.Кошелев. По его словам, он обречен на положение “искреннего “не-деятеля”. Но, как предполагает исследователь, Онегин вполне способен воспринимать поэзию как “высокое дело, действительно достойное того чтобы посвятить ему свою единственную жизнь”. В силу этого он “в своем общении тянется именно к поэтам – Автору и Ленскому” [2, с. 16].

В отличие от В.А.Кошелева, В.С.Непомнящий, один из наиболее последовательных приверженцев православного пушкиноведения, направления, выразительно заявившего о себе в последние два десятилетия, в своей работе “Книга, обращенная к нам. “Евгений Онегин” как проблемный роман” пытается проанализировать образ пушкинского героя с позиций христианских (конкретно: православных) ценностей и морали. С точки зрения исследователя, драма Онегина вытекает не из его противостояния со средой (по В.Г.Белинскому) и не из его культурно-исторической ненужности (по В.О.Ключевскому и В.А.Кошелеву), а из его атеистического мировоззрения. Обоснованию этого тезиса в основном и посвящена работа В.С.Непомнящего, опирающаяся на очень интересный (хотя, по-своему, в чем-то и спорный) текстуральный анализ романа.

Осмывая характер пушкинского героя, автор обстоятельно анализирует такие его составляющие, как эмоциональное состояние (“хандра”), жизненная философия, идеалы (*homo usurpator*), и поступки.

Разочарование и хандра Онегина, по мысли В.С.Непомнящего, обусловлены прежде всего его образом жизни, символом которого становится потребление. Его знаковой эмблемой в романе является мотив стола. Причем вначале это только обеденный стол (“Пред ним rost-beef окровавленный...”). Затем балет, который посещает Онегин, “тоже оказывается своего рода аппетитным блюдом – наряду с ростбифом, страсбургским паштетом и котлетами. После театра – еще один стол, на этот раз – туалетный (“Янтарь на трубах Цареграда // Фарфор и бронза на столе...”). Новое “блюдо” – бал, развлечения, любовные похождения исследователя, – стол и в самом деле символ того образа жизни (который ведет Онегин. – Н.Ж.), который описывается в первой главе. ... Потребляется весь мир (“Все, чем для прихоти обильной // торгует Лондон щепетильный...”). Потребляется искусство: театр, балет; потребляется нежная страсть, которую называют любовью; потребляются самые простые человеческие отношения” [5, с. 9–10].

Но Евгений Онегин, – пишет В.С.Непомнящий, – “натура высокая”, поэтому, “он постепенно начинает интуитивно чувствовать, что с ним происходит что-то не то, что в его жизни что-то не так. Тут и нападает на него тоска, хандра, равнодушие – и наконец, презрение к самой жизни, к этому дурному, неправильно устроенному миру” [5, с. 10]. В этом, по мнению исследователя, и заключается главная ошибка героя, поскольку “дурен не мир – дурно миропонимание, которое герой усвоил с детства и которое определило его образ жизни – такой, как у множества образованных людей того времени” [5, с. 11].

Между тем основой этого миропонимания, – подчеркивает В.С.Непомнящий, – стала материалистическая философия Просвещения. Суть ее он определяет как “перетолкование христианского учения о человеке”. Общеизвестно, что, согласно христианской доктрине, человек создан по образу и подобию Бога, согласно просветительским теориям, он равен Богу (выделено нами. – Н.Ж.). Отсюда, – настаивает исследователь, – представление о том, что человек является “хозяйном вселенной” и “имеет право ставить себе любые цели, достигать их всеми доступными средствами, приспособить весь мир к своим потребностям” [5, с. 11]. Вследствие этого, по его мнению, “возник удивительный парадокс”. Материалистическое мировоззрение, – убежден исследователь, “начало с того, что приравнило человека Богу, ... по существу подменило Бога человеком, а кончилось тем, что на практике приравнило человека к животному. Ведь именно животные руководствуются в своем поведении элементарными потребностями, то есть – желаниями, хотениями (курсив В.С.Непомнящего. – Н.Ж.): есть, пить, размножаться, играть, отдыхать и пр. Если все эти потребности удовлетворяются – животное довольно...” [5, с. 12]. Эта-то философия потребления, философия удовольствия, – считает автор, – и определяет жизнь Онегина: он ест, пьет, развлекается, обольщает женщин. “Человек, воспитанный в таком миропонимании, – пишет В.С.Непомнящий, – озабочен

только тем, чтобы взять от жизни как можно больше для себя” [5, с. 12].

Дальнейший ход анализа пушкинского героя в работе В.С.Непомнящего организуется вопросом: что же такое человек – подобие Бога или животное? При материалистическом подходе этот вопрос, с точки зрения исследователя, неразрешим, потому что, хотя в человеке и много черт, свойственных зверю, но его сущность этими чертами не исчерпывается. Главное же отличие между животным и человеком заключается в способности последнего мыслить. В.С.Непомнящий цитирует фразу Д.Дидро: “Человек – это животное, которое рассуждает” [5, с. 12].

Такое понимание человека автор считает одним из наиболее кардинальных пороков и ошибок французской материалистической философии, потому что, с его точки зрения, “способность рассуждать ни к чему не обязывает”, во-первых, а, во-вторых, она часто приводит к оправданию самых неблагоприятных своих поступков [5, с. 12]. В качестве аргумента В.С.Непомнящий ссылается на поведение Онегина и во время объяснения с Татьяной в саду, когда он отвергнул ее любовь, но в то же время зародил искру надежды (“Я вас люблю любовью брата...”), и в истории с Ленским, когда, получив вызов юноши, он без всякого раздумья принял его, а потом, понимая, что это поступок ужасный, неблагородный оправдывает себя (путем рассуждения), что изменить уже ничего нельзя, и “шепот, хохотня глупцов” оказываются для него важнее совести [5, с. 12].

В этом плане не случайно, – считает исследователь, – в романе возникает имя Наполеона (“Мы все глядим в Наполеоны...”). Наполеон – это гениальное дитя Великой французской революции, подготовленной идеологическими и интеллектуальными усилиями философов-просветителей. Но в Европе его часто называли узурпатором. “Uzurpo” в переводе с латинского – потребляю, т.е. узурпатор – это потребитель. Иными словами, Наполеон и стал “символом человечества, подменившего Бога человеком, узурпировавшим власть над миром, который Богом, – а не человеком сотворен, символом человека-потребителя” [5, с. 13–14].

Онегин, по мнению В.С.Непомнящего, усвоил наполеоновский взгляд на мир. Но в конце концов начинает им тяготиться. Он страдает, потому что ему кажется, что жизнь дурна сама по себе. Между тем, – настаивает исследователь, – он страдает потому, что истина подлинно человеческой жизни (т.е. регламентированной Богом, а не человеком) ему не известна [5, с. 14].

Миропонимание, – показывает исследователь, – определяют поступки: Онегин их совершает немного. Но все они его недостойны. И все они на уровне рефлекса, вызванного эгоистическим стремлением охранить себя, свой интерес, свое удобство и покой, и, в конечном итоге, оборачиваются тем, что он не может уже ничего изменить. Особенно выразительно это обнаруживается в сцене дуэли:

Вот пистолеты уж блеснули,
Гремит о шомпол молоток,

В граненый ствол уходят пули,
И щелкнул первый раз курок,
Вот порох струйкой сероватой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно взвинченный кремень
Взведен еще...

“Парадоксальным образом, – пишет В.С.Непомнящий, – воля человека, живущего по своей воле, по своему хотению, уважающего только себя, сводится к нулю, исчезает. И, хотя Онегину не чужды “души высокие порывы” и угрызения совести, хотя он не злодей, не бесчестный человек – его миропонимание ... делает из него убийцу” [5, с. 16]. И далее: “Жизнь, в которой нет нравственных идеалов (читай христианских. – Н.Ж.) нет веры в высокое предназначение человека... – такая жизнь превращается в условность... Евгений не понимает этого, потому что слишком любит себя таким, каким он есть. Только два человека ... понимают Онегина: автор и Татьяна, потому что они любят его таким, каков он должен и мог бы быть; иначе говоря, каким его Бог замыслил. Именно Татьяна суждено открыть Онегину глаза; правда доступна только любящему взгляду” [5, с. 16–17].

Попутно отметим: последнее замечание автора вызывает некоторое недоумение. Любящий взгляд действительно способен увидеть многое. Но в тексте пушкинского романа нет ни одного, прямого или косвенного упоминания о том, что в своем общении Татьяна и Онегин обсуждали христианские ценности.

Заметным явлением в современной пушкинистике стало и еще одно направление. Это психоанализ. В конце 90-х – в начале 2000-х гг. в печати появилась серия публикаций, в которых была предпринята попытка прочитать роман А.С.Пушкина и осмыслить судьбы его героев по Фрейдю. Среди них отметим как наиболее оригинальные, частично, на наш взгляд, спорные статьи Ф.М.Штейнбука, Л.Н.Щетиной, А.А.Слюсаря.

Оговоримся сразу же: вообще-то психоанализ как способ анализа литературы отнюдь не является изобретением современности. Своими истоками он восходит к 20-м гг. XX в. к работам И.Д.Ермакова “Этюды по психологии творчества А.С.Пушкина” (1923), “Очерки по анализу творчества Н.В.Гоголя” (1924) и др. Но как тогда, так и сейчас психоанализ вызывает к себе неоднозначное отношение. В этом плане наиболее дискуссионной является статья Ф.М.Штейнбука “Щекотливая тема. Опыт постижения художественного произведения с помощью психоанализа (на примере русской литературы XIX века), опубликованная в 1995 году в методическом журнале “Відродження” в качестве практических рекомендаций для учителя-словесника.

Исходным моментом наблюдений автора является утверждение: “... тема секса присутствует в каждом произведении, определяя характер и поведение героев, причем определяет в степени гораздо большей, нежели их национальный, социальный, имущественный или какой-либо другой статус” [8, с. 8]. Следователю Онегин становится “лишним” опять-таки не из-за своих взаимоотношений со “средой”, не из-за культурно-исторической ненужности, и даже не из-за того, что ему

неведомы христианские ценности. Все дело в нереализованном “либидо”. Отстаивая свою позицию, Ф.М.Штейнбук пишет: “Начнем с Евгения. “В чем он истинный был гений, // Что знал он тверже всех наук...”? Да, конечно же, “науку страсти нежной...”. И речь, заметим, шла не только о платонических изнываниях, а о том, что Онегин рано или поздно добивался “... тайного свидания... // И после... наедине” давал “уроки в тишине”, а поскольку количество “рогоносцев величавых” после этих “уроков” неизменно увеличивалось (? – Н.Ж.) то, стало быть, Пушкин совершенно однозначно подразумевал под “тайными свиданиями” не что иное, как плотские утехи!” [8, с. 8].

Думаем, что последний вывод о “плотских утехах” более, чем смел. Однако его нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Ведь в самом романе никаких упоминаний об этом нет. А исследователь в первую очередь все же работает с текстом.

Более убедительными, хотя и не в полной мере, представляются наблюдения Ф.М.Штейнбука, связанные со сценой свидания Татьяны и Онегина в саду. Разделяя иронию А.С.Пушкина относительно поведения его героя, автор замечает: “... не благородство двигало им... . Его не устраивала роль господина положения. ... Вот если бы Татьяна повела себя в деревне так, как позднее в Петербурге, Онегин бы “пред нею в муках замирал, бледнел и гаснул” и почитал бы это за “блаженство”. Но приходится ждать, когда они поменяются ролями, когда Онегин впадет в пароксизм рабской страсти” [8, с. 8]. Согласно З.Фрейдю, заметим, такая коллизия в отношениях мужчины и женщины вполне возможна. “На женщину, – читаем в его “Психологии сексуальности”, – сначала не обращают никакого внимания, пока она никому не принадлежит, или она даже отвергается; но человек такого типа тотчас влюбляется в ту же самую женщину, как только она вступит в одно из указанных отношений к мужчине” [6, с. 125]. Но можно ли высказанное Онегиным в письме желание “обнять колени” возлюбленной и, рыдая “излить мольбы” принять, как считает Ф.М.Штейнбук, за сексуальную страсть, думаем, остается вопросом. При всей его экстравагантности вывод автора, что в пушкинском романе между героями “разыгрывается, в сущности, не столько душевная драма, сколько драма нереализованных потенций плоти”, на наш взгляд, мало убедителен [8, с. 9].

Статья Ф.М.Штейнбука сразу же привлекла внимание и вызвала полемику. В ней приняли участие одесский литературовед А.А.Слюсарь и философ из Николаева Л.Н.Щетина. Их отклики были напечатаны в том же журнале “Відродження” в 1996 году. Как следует из содержания этих публикаций, оба автора довольно по-разному относятся к применению психоанализа в литературоведении. Но оба согласны в том, что их оппонент слишком примитивизировал учение З.Фрейда, сведя, как подчеркивает Л.Н.Щетина, “всю сложную, многогранную и многофакторную структуру личности ... исключительно к либидонозному влечению... к требованию Оно (страсти и инстинкты)”, совершенно игнорируя “другую доминанту личности – Сверх-Я (совесть)”. Между тем, по ее словам, “обе эти подструктуры

вливают на линию поведения человека”. Стремление все в поведении литературных персонажей свести лишь к удовлетворению сексуальной потребности, – убеждена исследовательница, – “не только не помогает понять героев, но и искажает замыслы их авторов” [4, с. 19].

В этом контексте позиция А.А.Слюсаря близка к позиции Л.А.Щетининой. Подобно исследовательнице, он видит главное заблуждение Ф.М.Штейнбука в стремлении представить литературный персонаж как реальную личность и мотивировать все его поведение нереализованными (или наоборот!) сексуальными потребностями, так сказать “показать героев в “истинном” свете, как они того заслуживают” [3, с. 17]. “Наивный реализм”, без которого невозможно читательское сопереживание, по его мнению, не может быть единственно достаточным основанием для интерпретации произведения [3, с. 17].

“Да, – соглашается А.А.Слюсарь со своим оппонентом, – “щекотливая тема”, безусловно, присутствует в “Евгении Онегине”, но не ей отводится главствующее положение”. “На первом месте, – солидаризируется исследователь с В.Г.Белинским, – пробуждение самосознания в русском обществе, рождение в нем духовности” [3, с. 17].

Что же касается области бессознательного, открытой З.Фрейдом, то, по мнению А.А.Слюсаря, в литературе она чаще всего заявляет о себе через сны, забывания, механические ошибки, произвольные поступки, т.п. и в этом контексте, действительно, заслуживает внимания (заметим, что Ф.М.Штейнбук, подробно комментируя сексуальные проблемы пушкинских героев, даже не упоминает о сне Татьяны). Но “психоанализ”, примененный З.Фрейдом, – обращает внимание исследователь, – “имел другое целевое назначение. Его суть – в излечении больных неврозом посредством припоминания вытесненной в подсознательное “забытой” ситуации, с которой связана душевная травма” [3, с. 18]. Поэтому механическое перенесение метода З.Фрейда в литературу не вполне корректно. Ссылаясь на признание самого великого психиатра о том, что “сущность художественной деятельности... недоступна для психоанализа”, А.А.Слюсарь приходит к выводу (и мы полностью

разделяем его): “психоанализ может рассматриваться как одно из вспомогательных средств (выделено автором. – Н.Ж.), применяемых при изучении литературного произведения, но не в качестве метода, обладающего действительно научным значением” (Слюсарь, с. 18). Этим его позиция и отличается от позиции Л.Н.Щетининой.

К слову заметим, что свой полемический отклик Л.Н.Щетинина положила в основу более поздней статьи “Эрос и Танатос литературоведения. “Евгений Онегин” сквозь призму психоанализа”, опубликованной в третьем выпуске четвертого тома в сборнике “Мова і культура” в 2001 году. Поскольку основной пафос ее исследования связан с интерпретацией образа Татьяны, мы не будем его комментировать. Скажем только, что, подобно предыдущему автору, исследовательнице, с нашей точки зрения, также не удалось избежать натяжек и неточностей, несмотря на совершенно другие установки при использовании методики З.Фрейда. В частности: Татьяна, подобно своей матери, конечно же, несчастливая женщина. Но девушкой, которой “романы заменяли все” была сама Татьяна, а не ее мать, о Грандисоне знавшая со слов своей московской кузины [7, с. 310]. Согласны, что, начитавшись романов, “в Онегине Татьяна видит человека, который может дать ей все” [7, с. 311]. Но на чем выстраивается заключение, что пушкинская героиня испытывает бессознательное желание “жить в столице”? Разумеется, что, уезжая против своей воли в Москву, полная страхов, “с Онегиным она бы сделала это без колебаний” [7, с. 311]. Но тогда как расценить ее желание вернуться в деревню: “Сейчас отдать я рада // всю эту ветошь маскарада, // ... За наше бедное жилище, // За те места, где в первый раз, // Онегин видела я вас...” – как сознательное лицемерие?

Подводя итоги, отметим: современное изучение романа А.С.Пушкина “Евгений Онегин”, связанное, в частности, с образом его заглавного героя, отличается довольно широким спектром интерпретаций. Каждая из них, безусловно, имеет право на существование. Но, к сожалению, далеко не все авторы, предлагая свое прочтение пушкинского романа, соотносят его с авторским замыслом, вне которого работа любого исследователя теряет смысл.

Литература

1. Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. / В. Г. Белинский – М., 1976–1982. В дальнейшем вся цитация приводится по настоящему изданию, поэтому в тексте будем указывать порядковый номер источника (арабской цифрой), номер тома (римской цифрой) и страницу.
2. Кошелев В. А. “Онегина воздушная громада...” / В. А. Кошелев // Литература в школе. – 1999. – № 1.
3. Слюсарь А. А. “... психоанализ может рассматриваться как одно из вспомогательных средств...” / А. А.Слюсарь // Відродження. – 1996. – № 3.
4. Щетинина Л. Н. “... попытка проникновения в дебри бессознательного заслуживает интереса...” / Л. Н.Щетинин // Відродження. – 1996. – № 3.
5. Непомнящий В. С. Книга, обращенная к нам. “Евгений Онегин” как проблемный роман / В. С. Непомнящий // Литература в школе. – 2000. – № 1.
6. Фрейд З. Психология сексуальности / З. Фрейд. – Минск, 1993.
7. Щетинина Л. Н. Эрос и Танатос литературоведения. “Евгений Онегин” сквозь призму психоанализа / Л. Н. Щетинина // Мова і культура. – Т. IV. – Вип. 3. – К., 2001.
8. Штейнбук Ф. М. Щекотливая тема. Опыт постижения художественного произведения с помощью психоанализа (на примере русской литературы XIX века) / Ф. М. Штейнбук // Відродження. – 1995. – № 1.